

На обложке:

А. М. Герасимов.
Портрет К. Е.
Ворошилова. 1948 г.
Фрагмент.

Подписаться на журнал «Родина» можно по каталогу «Роспечати» (индекс 73325).

ЭКСКЛЮЗИВНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ
ООО «Компания «Родина-пресс»
Генеральный директор
Маркарян В. Л.
Т./ф. 242 89 04
E-mail:
inbox@rodinapress.ru,
mvl@rodinapress.ru

Адрес редакции:
127025, Москва,
ул. Новый Арбат, 19,
тел. 203 73 98,
факс 203 75 98.
Отдел подписки:
203 45 36
(С. М. Бусуек).
E-mail:
rodina@istrodina.com

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

© Все печатные и иллюстративные материалы являются собственностью журнала «Родина».

Зарегистрировано Министерством печати и информации Российской Федерации.
Свидетельство № 291 от 24 августа 1994 г.

ISSN 0235-7089
Индекс издания 73325
Отпечатано ОАО «Кострома». Заказ № 1319
156010, г. Кострома,
ул. Самоковская, 10

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ

Татьяна **ФИЛИППОВА**
Реформа и реформатор: лук для Робин Гуда **2**

Семён **ЭКШТУТ**
Карьера Петра Столыпина **8**

Александр **КОМАРОВ**
Мы работаем на безопасность России **14**

Угличе-Поле — градъ Угличъ — городское поселение Углич **16**

Лев **АННИНСКИЙ**
Тевтобург — Аушвиц **17**

ЧЕЛЯБИНСКУ — 270! **18**

МИНУВШЕЕ

Николай **КРАДИН**, Татьяна **СКРЫННИКОВА**
Теорема Чингисхана **23**

Олег **УСЕНКО**
Царевич Симеон из Запорожья **31**

Алексей **МОРОХИН**
«Сюда отнюдь не казаться...» **39**

Нина **МИНЕНКО**
«На что и клад, коли в семье лад» **42**

Мария **ЛЕСКИНЕН**
«Калевала» доктора Лённрота **48**

Павел **РОВИНСКИЙ**
Сербская физиономия Белграда **54**

Владимир **БЕЛЯКОВ**
«На пути к Св. Екатерине» **59**

Павел **ЛИПАТОВ**
Красные кавалеристы **63**

Алексей **КУЛЕШОВ**
На «Внутренней линии» **68**

«Это вам не 1939 год» **74**

Лев **ЛОСЕВ**
Туняец Иосиф Бродский **82**

СТИЛЬ ЖИЗНИ

Ирина **ЕФРЕМОВА**
«Всё было как в волшебном замке» **87**

Елена **ОСОКИНА**
На большой дороге с рембрандтами **95**

Юрий **БИРЮКОВ**
«И родина щедро поила меня берёзовым соком...» **106**

Елена **ЛЕБЕДЕВА**
«Самый честный музыкант нашего времени» **108**

Учредители:
Правительство Российской Федерации
Администрация Президента Российской Федерации

Журнал основан в 1879 году

Генеральный директор ФГУ «Редакция журнала «Родина»
В. В. Зубкевич

Заместитель генерального директора ФГУ «Редакция журнала «Родина» по творческим вопросам
Ю. А. Борисёнок

Редационный совет:
Г. В. Вилинбахов,
председатель Геральдического совета при Президенте РФ, зам. директора Государственного Эрмитажа

А. Н. Кирпичников,
доктор исторических наук

Ю. А. Левенец,
директор Института политических и этнонациональных исследований НАН Украины

Г. Ф. Матвеев,
профессор исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

К. В. Никифоров,
директор Института славяноведения РАН
Е. И. Пивовар,
ректор РГГУ

П. В. Стегний, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Турции
А. О. Чубарьян, академик, директор Института всеобщей истории РАН
В. Л. Янин, академик РАН

Редколлегия:
Л. А. Аннинский, обозреватель
Т. О. Максимова,
ответственный секретарь,
редактор отдела повседневной истории
А. И. Ольденбургер, главный художник
Т. А. Филиппова, зам. главного редактора,
редактор отдела проблемной истории
С. А. Экштут,
редактор отдела исторической иллюстрации

Г. А. Луколина, директор по маркетингу
тел.: 203 52 17

Редакторы отделов:
С. Г. Антоненко, истории религии
С. В. Кудряшов, военной истории
А. Е. Петров, древней истории

А. А. Ольденбургер, художник-дизайнер
В. П. Грицюк, руководитель фотослужбы
Ю. Ю. Козырев, специальный фотокорреспондент

Собственные корреспонденты:
Л. М. Ермакова, по Уралу и Сибири
А. И. Филошкин, по С.-Петербургу и Северо-Западу России

В. А. Алексеев, — системный администратор
Е. С. Яценко — вёрстка
И. Е. Данилина — корректор
В. В. Немчинова — оператор набора
В. П. Жбанов — зав. редакцией
С. С. Прохорова — зав. приёмной
Д. Ю. Таскаев, **О. В. Цветкова** — бухгалтерия

Мария ЛЕСКИНЕН,
кандидат исторических наук

«КАЛЕВАЛА» ДОКТОРА ЛЁННРОТА

Элиас Лённрот — выдающийся деятель финской культуры, человек, подаривший Финляндии и всему миру карело-финский народный эпос «Калевала», навсегда соединивший историю культуры Финляндии и Карелии, Финляндии и России. Вся жизнь Лённрота прошла на родине, он никогда не выезжал из финских пределов. Однако родился он в Швеции (в составе которой тогда находилась Финляндия), а умер в Российской империи (завоевавшей Финляндию в 1809 году).

*Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу, —
Быть готовым к песнопенью
И начать скорее слово,
Чтоб пропеть мне предков песню,
Рода нашего напевы.*

Калевала I, 1–7

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

В XIX веке облик учёного во многом отличался от расхожего представления о кабинетном мыслителе, великолепно владеющем пером и словом, но далёком от реальности и не замечающем житейских проблем. Жизнь Лённрота никогда не была безоблачной и спокойной.

Элиас родился в апреле 1802 года и был седьмым ребёнком в семье бедного деревенского портного в приходе Самматти Нюландской губернии (ныне Уусимаа). Неизвестно, как сложилась бы его жизнь, если бы не желание учиться. Двенадцатилетним мальчиком он пошёл в шведскую школу города Таммисаари. Только благодаря материальной поддержке знакомых и друзей ему удалось окончить гимназию и поступить в 1822 году в Абоский университет (город Турку тогда назывался Або). Этот год открыл ещё двух студентов, ставших гордостью будущего финляндского национального движения, — Юхана Людвиг Рунеберга¹ и Юхана Вильгельма Снельмана².

1820-е годы в Европе примечательны расцветом романтизма и связанного с ним интереса к ис-

торическому прошлому народов. Тогда же под воздействием теорий Гердера и Гегеля формировалась национальная идеология, поэтому изучение народных традиций, творчества и быта приобрело особую актуальность. Образованная часть финляндского общества также увлеклась этими идеями. В университете, где учился Лённрот, в это время собралась группа учёных под руководством А. И. Арвидсона, выступавшая за просвещение финского народа и за восстановление в правах его языка в качестве официального. Деятельность Ар-

Элиас Лённрот.

Элиас Лённрот с семьёй.

видсона лучше всего характеризует фраза: «Мы не шведы, русскими стать не хотим, так будем же финнами»³.

Феннофильские настроения проявлялись в особом внимании если не к финской филологии (которая, по сути, ещё не существовала, ведь даже в университете основными языками обучения оставались шведский и латынь), то к литературе и фольклору. Поэтому самая первая работа Лённрота — дипломная, написанная по латыни — была посвящена герою финских рун и называлась «О божестве древних финнов — Вяйнямёйнене» (1827). После окончания университета Лённрот решил вновь учиться — на этот раз медицине, поскольку средств для занятия наукой у него не было. Но в сентябре 1827 года случилось событие, определившее на долгие годы судьбу и города Або, и главного центра образования Финляндии, — здание университета сгорело, и храм науки закрылся почти на год⁴. И весной следующего года молодой кандидат философии отправился в своё первое путешествие за рунами в восточную Финляндию.

Быть может, именно тогда и решилась судьба Лённрота. Если прежде он изучил практически всё, что было собрано и обобщено в шведских и латинских учёных трудах, то теперь столкнулся с живой устной традицией. Элиас

увлечённо записывал не только руны, но и незнакомые слова, пословицы, поговорки, былички. Позднее это стало привычкой, и дневники экспедиций Лённрота до сих пор представляют бесценный материал для этнографов, филологов и религиоведов.

Летом 1829 года он издал первую часть сборника «Кантеле⁵, или Старые и новые руны и песни финского народа», ещё две части увидели свет в два следующих года.

К тридцати годам Элиас завершил обучение на медицинском факультете новообразованного Гельсингфорсского (Хельсинкского) университета и получил назначение на должность сельского врача в маленький городок Каяни на востоке Финляндии, где и прожил два десятилетия. Вскоре у Лённрота появились средства для целенаправленных собирательских экспедиций за рунами. Всего он совершил десять поездок, из которых шесть — на территорию современной Карелии. Ездил он обычно один, разыскивая народных певцов в самых глухих и заброшенных сёлах. Врачебный опыт очень пригодился ему в этих путешествиях, зачастую он расплачивался за постой или за

особо ценные песни своими медицинскими знаниями. Также пригодилось ему умение играть на простенькой флейте, которую он всегда брал с собой в путешествие и которая иногда выручала его в трудную минуту.

Наибольший интерес представляют материалы его совместного путешествия с М. А. Кастреном⁶ в «русскую Лапландию». Все эти, говоря сегодняшним языком, полевые материалы содержат богатую информацию не только о жизни и быте крестьян Российской империи первой трети XIX века, но и весьма любопытны с точки зрения изучения этноконфессиональных стереотипов и взаимовлияния разных культур — православных карел, бежавших на Север в XVII веке старообрядцев и финнов-лютеран. В некоторых деревнях, которые посещал Лённрот, бок о бок веками жили русские, финны, карелы, вепсы, ингерманландцы и другие народы, сохраняя обычаи и традиции своих предков, но заимствуя друг у друга слова, топонимы, названия животных и растений, обмениваясь способами

хозяйствования и товарами. В записях Лённрота перед нами предстают живые люди — земледельцы, рыбаки, охотники, с грубыми натруженными руками, измождённые тяжёлой ежедневной борьбой за выживание, не-

равным поединком с суровой природой Севера. Они, преобразаясь во время исполнения или слушания рун, становились лиричными, задушевыми и необыкновенно близкими и понятными нам сегодня. Удивительное чувство юмора и присущая Лённроту деликатная ирония наделяют эти заметки почти литературными достоинствами.

Главный труд своей жизни — «Калевалу» — Лённрот издал в возрасте Христа в 1835-м. Наиболее ценными для него стали руны, записанные им у рунопевцев в карельском регионе Финляндии (сёла Войницы и Вокнаволок) — Андрея Малинена и Василия Киелевяйна. Кроме этого, существенно дополнили начальные варианты песен руны в исполнении Мартына Карьялайнена и «певца певцов» Архипа Перттунена. Лённрот так описал последнего: «Этот старец, теперь в возрасте 80 лет, в удивительной степени сохранил ещё память. Целых два дня, а отчасти и в третий я был занят записыванием от него рун. Он пел их по порядку без заметных

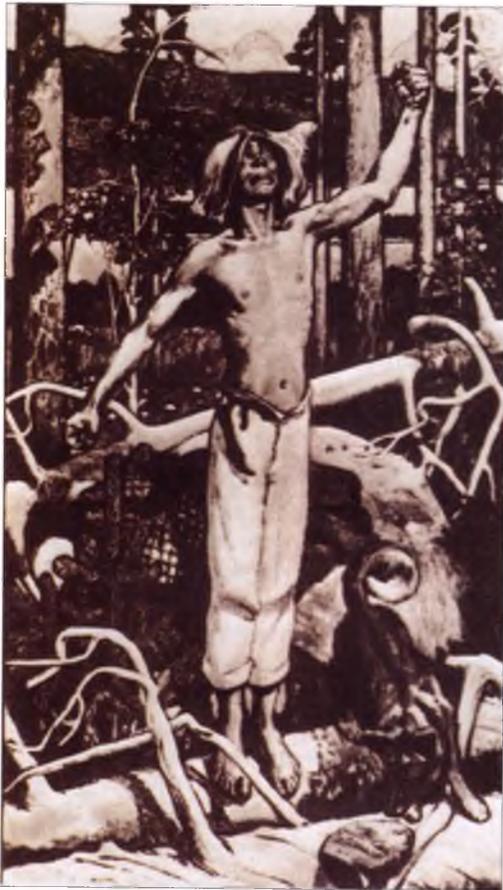
пропусков, и большинство из них такие, какие я прежде у других не встречал, и сомневаюсь, можно ли их ещё где-нибудь найти».

Сдав в марте 1835 года рукопись «Калевалы», он продолжил собирать новые варианты рун, пословицы, поговорки, загадки вплоть до 1841 года. В одном из писем Лённрот отмечал, что, исследовав столь обширные районы севера и востока Финляндии и Карелии вплоть до северного побережья Ладожского озера и Кандалакши, он пришёл к выводу, что «центром бытования мифологически исторических рун» являются «приходы Вокнаволок и Панозеро»⁷, то есть Карельский регион. Последняя поездка Лённрота в Карелию в 1847-м была связана с собиранием материалов для исследования карельских диалектов и составления большого финско-шведского словаря. Значительно изменённый окончательный вариант «Калевалы» был издан в 1849 году, куда были включены новые материалы и даже целые сюжетные линии. При этом большое количество ценных записей было предоставлено Лённроту молодыми энтузиастами изучения народной культуры —

Европеусом и Алквистом, передавшими более 3000 новых песен и рун. Лённрот издал также сборник лирических песен «Кантелетар» (1840), «Пословицы» (1841) и «Загадки финского народа» (1844), «Старинные финские заклинания» (1880).

Вот как описывал Элиаса Лённрота его друг петербургский академик Яков Карлович Грот⁸, колесивший с ним по Финляндии в 1846 году: «Его присутствие было для меня источником постоянного дружеского наслаждения; его знаниям, опытности, дружественным отношениям по всему краю много обязан я пользою, которую мог извлечь из своего путешествия»; «высокое благородство характера, без которого немного значат литературные достоинства, одно могло доставить ему ту искреннюю любовь, которая везде встречает его»⁹.

С 1853 года Лённрот — профессор финского языка и литературы Гельсингфорсского университета, в этом качестве он мог открыто выступать за введение финского языка в школы и учреждения, за уравнивание его в правах

со шведским. Однако через десять лет он оставил кафедру и отправился в родную деревню Самматти, где и скончался в 1884-м.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СИМВОЛ

Основной заслугой Элиаса Лённрота было, как известно, составление народного эпоса «Калевалы». Но что это значит — «составление эпоса»?

В XIX веке народные предания европейских народов стали предметом научного исследования, иногда реконструировались из произведений фольклора. В записях и переложениях дошли немногие эпосы: исландская «Эдда», в передаче — песни Гомера и т. п. До Лённрота учёные знали о героях финских песен-рун, но считали эти сюжеты отдельными, сказочными фрагментами утерянного мифологического комплекса. Врач-энтузиаст отважно взялся воссоздавать финский эпос. Сначала он выявлял наиболее популярные сюжеты и мотивы, затем восстанавливал их наиболее вероятную последовательность. При этом убеждённости многих учёных — как современников финского исследователя, так и исследователей века XX — в том, что народный эпос и «Калевала» тождественны, не что иное, как за-

блуждение. Выдающийся советский фольклорист В. Я. Пропп подчёркивал, что Лённрот не мог следовать народным образцам, а в той или иной степени руководствовался представлениями о литературных нормах и требованиях общественного вкуса своего времени¹⁰. Именно такая обработка способствовала тому, что карело-финский эпос не просто стал известен в узкой научной среде или у читающей публики, но приобрёл широкую популярность за рубежом. В своей чистой форме народные песни и предания представляли бы интерес лишь для специалистов. К сожалению, специальных исследований о принципах, которыми руководствовался Лённрот при «воссоздании» эпоса, очень немного. Известно, что он разделял господствовавшее тогда в науке мнение мифологической школы о том, что эпос как бы «забывается» народом в процессе исторической эволюции, но его можно восстановить по фольклорным фрагментам.

Между тем детальное сравнение «Калевалы» с первоисточниками — рунами, записанными автором, даёт возможность увидеть существенные различия между чистым народным творчеством и эпосом Лённрота и доказывает, что вклад учёного в реконструкцию народного эпоса не столь скромнен, как утверждал он сам. «Произведение Лённрота имеет самостоя-

тельное литературное значение, оно отлично от народных рун»¹¹, — утверждает известный финский исследователь В. Кауконен.

МИФЫ О МИФАХ

Идея составления карело-финского эпоса возникла у Лённрота в процессе сбора материалов народного устного творчества. Все записанные им руны можно разделить на несколько типов. Значительная их часть представляла собой варианты заклинаний, свадебных песен, а также содержала элементы похоронных и иных обрядов. Главная же сюжетная часть связана была с мифическими повествованиями о древних героях и богах. Сначала Лённрот группировал материалы по принципу их связи с главными «действующими лицами» фольклора — Вяйнямёйненем, Илмариненем, Лемминкяйненем и другими. В 1833 году он издал руны о Лемминкяйнене отдельным сборником. При этом составитель просто расставил руны в определённом хронологическом порядке, ничего не добавляя от себя. Аналогичным образом, представляя руны в цельном виде, — так, как они были исполнены рунопевцами, — поступил Лённрот и с песнями о Вяйнямёйнене. И лишь в 1836 году в письме к профессору Линсену он обозначил своё намерение воссоздать карело-финский эпос: «У меня возникло желание...

создать из финских мифов что-нибудь соответствующее исландской «Эдде», ...и тогда я составил о Вайньянемёйнене сравнительно большой том рун в желаемом мною порядке»¹².

Подобная реконструкция содержит в себе главное отличие записанных прежде песен от «Калевалы»: составитель взял на себя смелость не только переставлять целые эпизоды и куски текстов каждого из сказителей по собственному усмотрению, но и добавлять новые связи сюжетного характера, а также, хотя и очень осторожно, некоторые не относящиеся к рунам элементы (например, свадебные песни, заклинания и т. п.) в собственной обработке. При этом понадобилась перделка поэтической формы языка рун. В 1835 году Лённрот опубликовал свою работу под названием «Калевала, или Старые руны Карелии о древних временах финского народа». Словом «Калевала» в некоторых рунах именовалась родина главных героев эпоса.

Выход в свет «Калевалы» стал открытием не только для учёного мира Финляндии и Скандинавии, но и произвёл большое впечатление на других современников-европейцев. Отметим, что за 170 лет со дня публикации эпоса самое большое число его переводов приходится на русский язык¹³. С финскими рунами в России были знакомы ещё до публикаций Лённрота, поскольку традиции устного народного творчества Карелии и Севера России в целом привлекали внимание учёных-специалистов и поэтов ещё в начале века XIX¹⁴. Нельзя не вспомнить романтические поэмы и стихи Евгения Баратынского «Эдда» и «Финляндия», а также произведения Фёдора Глинки периода его олонецкой ссылки¹⁵. Глинка стал автором первых переводов на русский язык записей рун, сделанных в 1825 году учёным-собирателем фольклора Русского Севера Шегреном.

Однако главную роль в ознакомлении русского общества с «Калевалой» сыграл, конечно же, приятель Лённрота Яков Грот, который так охарактеризовал Элиаса в письме к Петру Плетнёву — ректору Петербургского университета и редактору журнала «Современник»: «Я увидел... человека

средних лет с добродушной улыбкой, с лицом почти багровым от загара, с приёмами неловкими и вовсе несветскими; он одет был грубо, но его обращение и речь так безыскусственны и просты, что я тотчас полюбил его от

сердца... Меня же особенно обрадовало то, что он знает и читает по-русски, ошибаясь только в ударениях». Русские знакомые звали его Ильёй Ивановичем, а в 1844 году он в гостях у Грота играл на кантеле и пел «малороссийские песни»¹⁶. Одновременно Лённрот всячески помогал Гроту в изучении финского языка.

Плетнёв и Грот особенно отличали в Лённроте человеческие качества его натуры, наиболее близкие русскому интеллигенту. «На твоём месте, — писал Плетнёв Гроту, — я умудрился бы составить и напечатать... характеристику Лённрота, да такую, чтобы она изумила европейцев (тебе легко вдруг тиснуть её по-русски, по-шведски, по-французски и по-немецки). Ведь это совершенно герой для тацитовского пера. Надобно нарисовать его сперва по отношению к образованности, в чём он несколько не уступает спесивым учёным Германии; после описать его внешность в девственной красоте северной природы; далее войти в подробности жизни его в этом краю, о котором нельзя составить идеи, не проживши там; потом провести его перед читателем по всем картинам местной цивилизации и, наконец, заключить всё это Лённротом-сыном, живущим, как дитя, у отца и матери. Выйдет книга:

северный Плутарх — для невежественных европейских спесивцев»¹⁷.

Грот стал первым, кто опубликовал переложение основного сюжета эпоса в прозе, дал научную оценку «Калевалы» и отметил её связь с фольклорными источниками¹⁸. При этом было учтено, несомненно, важное для русской читательской аудитории обстоятельство: все главные руны были собраны Лённротом в Карелии и в Архангельской губернии. Финляндия воспринималась при Николае I как легитимная часть российского государства, и акцент на живом культурно-историческом единстве карел и финнов подтверждал неразрывность традиционных связей между двумя народами, входящими в состав Российской империи.

Как заметил В. Г. Базанов, «Плетнёв советовал противопоставить образ Лённрота, выросшего на естественной национальной почве, образу современного европейца, испорченного буржуазной цивилизацией. Таким образом, открытие Лённротом «Калевалы» включалось в борьбу с европоцентризмом»¹⁹. Парадокс заключался в том, что сам Элиас Лённрот, который и сегодня считается одним из главных деятелей финского национального движения, в период создания своего главного труда был далёк от политических и национальных организаций и кружков. Но исследователи «Калевалы» непременно желали использовать и источники эпоса — народный фольклор, и принцип его реконструкции Лённротом в качестве доказательства собственных теоретических построений в науке и политике.

В науке это проявилось прежде всего в борьбе представителей мифологической школы, к выводам которой, в свою очередь, апеллировали деятели национального движения в Финляндии, со сторонниками исторического подхода к содержанию фольклорных источников. Крупнейшие представители первого научного направления — Якоб Гримм (Германия) и Макс Мюллер (Англия) считали, что предания, песни и даже обряды, в них отражённые, представляют собой религиозные остатки древнего полузабытого мировоззрения индоевропейских народов. Именно в

мифологической основе «Калевалы» Мюллер видел её главное значение. Финские учёные, разделявшие взгляды западноевропейских фольклористов, пришли даже к выводу, что «Калевала» выше «Илиады», чем вызвали резко отрицательный комментарий Виссариона Белинского.

А вопрос, был ли Вяйнямйнен реальным героем или древнейшим богом, становился принципиальным, когда учёные пытались найти соответствие между топонимами, использованными в эпосе, и современной географией Финляндии, Швеции и Карелии. Так, русский исследователь П. Полевой отрицал историчность рун и видел в них лишь мифологию. Аналогичным образом пытались идентифицировать и названия племён и народов «Калевалы». Сам Лённрот считал образы героев собирательными, типическими. Русские сторонники мифологической школы в лице А. Афанасьева и А. Шифнера видели в рунах мотивы, общие «Калевале», русским былинам и украинским сказкам.

Другая дискуссионная и актуальная до сих пор проблема отразилась в спорах вокруг происхождения эпических легенд. Существовала теория, имевшая много сторонников среди шведских учёных и обоснованная финляндским фольклористом Карлом Кроном, что «Калевала» это «испорченный» народный вариант легенд и мифов западно-финских викингов, происходящих из германско-скандинавских источников. Эти взгляды разделяли и русские учёные Д. В. Стасов и А. Н. Веселовский. Напротив, представители исторического направления русской фольклористики Вс. Миллер и С. К. Шамбинаго пытались проследить взаимосвязь карело-финского эпоса и русского народного творчества.

Публикация «Калевалы» и её последующие переводы оказали косвенное влияние на формирование научных направлений в русской фольклористике и на складывающуюся во второй половине XIX века отечественную этнографию. Русский народный эпос в своём целостном виде не был реконструирован, и потому эпическое повествование карел и финнов было важнейшим источником для сравнительных исследований. Особенно это касается трудов по истории, быту и языку Русского Севера.

«Калевала», как и любой другой эпос, хронологически неоднородна, в ней содержатся мотивы и напластования различных эпох: языческие и христианские мотивы, реалии Средневековья и века XIX, отголоски обрядов и

обычаев карел и западных финнов. Кроме того, любые версии происхождения того или иного эпоса, а значит, и народа, его создавшего, в последние два века имеют не только сугубо научное, но и политическое звучание. Любая патриотическая идея или националистическая теория всегда апеллирует к истории, и в этом отношении наиболее болезненным представляется вопрос о том, почему центром сохранения и активного бытования главных сюжетов рун была Карелия.

И кажущийся на первый взгляд вторичным вопрос о принципах воссоздания Лённротом карело-финского эпоса получает совершенно иное звучание в такой форме: на какой территории и когда именно создавалась «Калевала», какой именно народ создал эпос и единство каких культур и территорий он отражает. Опасность подобной трактовки заметил ещё в середине прошлого века Пропп: «Вопрос о создании «Калевалы» и вопрос о происхождении народного карело-финского эпоса — вопросы совершенно различные... В зависимости от причин, подчас ничего общего не имеющих с наукой, вопрос (где и когда создавалась «Калевала»). — М. Л.) разрешается в ту или иную сторону. Между тем самая постановка вопроса неправильна. «Калевала» могла быть создана ещё до того, как соответствующие

народности заняли нынешнюю заселённую ими территорию... Так же как и русский, карело-финский эпос утерял своё былое общенародное распространение. Он сохранился лишь в некоторых очагах, составляющих как бы естественные заповедники»²⁰.

Но «Калевала» — реконструкция Элиаса Лённрота позволила карело-финскому эпосу стать культурным символом, олицетворением истории, языка и многогранного творчества финского и карельского народа. Именно эпос Лённрота, а не сборники оригинальных рун, которые также многократно переиздавались, вызвал настоящий национальный подъём финской культуры на рубеже XIX и XX веков — в золотой её век.

Характерной чертой финского национального романтизма на раннем этапе его становления стал так называемый карелианизм. После публикации «Калевалы» счита-

лось, что в Карелии сохранились не только руны, но и сам уклад жизни и традиции карел хранят утраченные в самой Финляндии древние элементы её культуры, а потому финское искусство может создаваться лишь на его основе. Поэтому финские художники, писатели, поэты, архитекторы путешествовали в Карелию, где черпали темы и идеи для своего творчества.

Язык эпоса — язык устного творчества — стал достоянием и даже в некоторых случаях образцом литературного финского языка и во многом повлиял на его формирование. Богатство речевых лексических форм и архаических норм грамматики действительно изменило представление о древности финно-угорских языков и своеобразии карельского, а также позволило выявить шведские и русские заимствования в языке рун. Как писал русский учёный В. А. Гордлевский, от Лённрота «идёт современный финский язык, достигающий... художественной виртуозности»²¹.

Крупнейшие архитекторы, скульпторы и живописцы рубежа веков выразили представление о героическом прошлом финнов и создали современный облик финской столицы. Главным вдохновителем их творчества была «Калевала». Осознание своей национальной самобытности, без которого Финляндия в XX веке не смогла бы со-

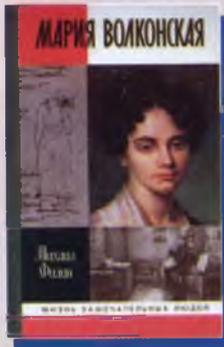
хранить свою государственно-политическую независимость, — этим финны обязаны скромному любознательному врачу, страннику с флейтой, учёному Элиасу Лённроту.

При оформлении статьи использованы иллюстрации А. Галлен-Каллелы.

Примечания

1. Рунеберг Ю. Л. (1804–1877) — национальный поэт Финляндии. Владел только шведским языком, что не помешало ему стать автором национального гимна Финляндии «Край родной». Автор «Рассказов прапорщика Столя» о финско-русской войне 1808–1809 гг. и цикла стихотворений, воспевающих добродетели финского землепаша-труженика.
2. Снельман Ю. В. (1806–1881) — философ, журналист, идеолог фенноманов. В 1863 году в качестве сенатора и члена правительства добился признания финского языка в Великом княжестве Финляндском одним из национальных.
3. Расила В. История Финляндии. Петрозаводск. 1997. С. 69.
4. Существовавший ещё со Средневековья университет переместили в Хельсинки, где в статусе государственного высшего учебного заведения (Императорский Александровский университет Финляндии с 1827 по 1917 г.) существует и поныне.
5. Кантеле — народный инструмент карел, финнов и эстонцев. Похож на русские гусли. Традиция исполнения рун связана с сопровождением их игрой на кантеле. Руны поются двумя рунопевцами, сидящими напротив друг друга и держащимися за руки.
6. Кастрен М. А. (1813–1852) — финский языковед и этнограф, основатель финно-угорской филологии, профессор Хельсинкского университета. При содействии Петербургской академии наук совершил ряд научных экспедиций, в результате чего составил грамматику и словарь для многих языков. Перевёл «Калевалу» на шведский язык.
7. Лехмус Х. И. Э. Лённрот — составитель «Калевалы» // Труды юбилейной научной сессии, посвящённой 100-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск. 1950. С. 169–170.
8. Грот Яков Карлович (1812–1893) — русский филолог, академик Петербургской академии наук с 1856 г., специалист по истории финской и шведской литературы, мифологии и фольклору. В течение многих лет ректор Гельсингфорского университета.
9. Грот Я. К. Поездки по Финляндии. Путевые записки. СПб. 1847. С. XVI, 167.
10. Пропп В. Я. «Калевала» в свете фольклора // Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М. 1976.
11. Kaukonen V. Tosiasioita ja kuvitelmiä. Kalevalan loppunäytelmä. Snellman-instituutin julkaisu. 7. 1988. S. 132–133.
12. Цит. по: Лехмус Х. И. Указ. соч. С. 172.
13. Классическим считается первый полный поэтический перевод «Калеваль» А. П. Бельским в 1888 г., удостоенный Академией наук премии им. А. С. Пушкина. Ему мы обязаны выбором ритма и размера стиха в эпосе, а также решением труднейшего вопроса о переводе рун с финского и карельского языков белым стихом. Сложностью при переводе на русский явилась такая особенность языка рун, как начальная аллитерация, когда первый слог (а иногда два и более) каждого слова строки составлен из одних и тех же звуков. Она является, по сути, рифмой рун, только объединяющей не концы строк, а их начала. Сегодня существуют иные русские варианты «Калеваль», более тщательно учитывающие фонетическое своеобразие финского языка, но, будучи более совершенными с точки зрения техники перевода, они значительно уступают тексту Бельского в художественных достоинствах.
14. Так, В. И. Брайкевич и Ф. Н. Глинка — член Союза благоденствия — читали свои доклады о народной поэзии финнов и карел в Вольном обществе любителей российской словесности. Подробнее см.: Базанов В. Г. К истории знакомства с «Калевалой» в России // Сто лет полного издания «Калевалы». С. 177.
15. Поэмы «Карелия» и «Дева карельских лесов» написаны под воздействием впечатления поэта от слышанных им в Олонецкой губернии песен и рун.
16. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетнёвым. СПб. 1896. Т. 1. С. 4; Т. 2. С. 256.
17. Там же. Т. 3. С. 256–257. У Грота вышло несколько статей в «Современнике», посвящённых народному финскому эпосу, в которых он подробно останавливается на личности Лённрота.
18. Грот Я. К. О финнах и их народной поэзии // Современник. 1840. № 19.
19. Базанов В. Г. Указ. соч. С. 189.
20. Пропп В. Я. Указ. соч. С. 313–314.
21. Гордлевский В. А. Памяти Элиаса Лённрота // Русская мысль. 1903. Май.

Филин М. Д. Мария Волконская: «Утаённая любовь» Пушкина. — М.: Молодая гвардия, 2006. — 431 с.: ил. (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 997).

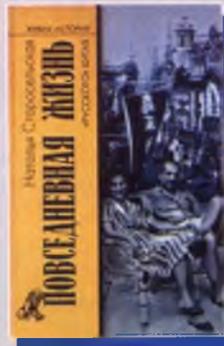

Пленительный образ княгини Марии Николаевны Волконской (урождённой Раевской; 1805–1863) — легендарной «русской женщины», дочери героя Наполеоновских войн и жены декабриста, последовавшей за осуждённым супругом в Сибирь, — запечатлён в русской и зарубежной поэзии, прозе и мемуаристике, в живописи, драматургии и кино, в трудах историков, публицистов и литературоведов. Общественная мысль в течение полутора веков трактовала Волконскую преимущественно как «декабристку». В действительности же идеалы княгини имели мало общего с теорией и практикой «первенцев свободы»; Волконская избрала собственный путь, а «декабризм» был лишь неизбежным фоном её удивительной биографии.

Вниманию читателей предлагается первое в отечественной историографии подробное жизнеописание М. Н. Волконской. По мнению автора книги М. Д. Филина, главным событием её бурной, полной драматических и загадочных страниц жизни стало знакомство с Пушкиным, которое переросло во взаимную «утаённую любовь» — любовь на все отпущенные им годы. Следы этого чувства, в разлуке только окрепшего, обнаруживаются как в документах княгини, так и во многих произведениях поэта. Изучение пушкинских сочинений, черновиков и рисунков, а также иных текстов позволило автору сделать ряд оригинальных наблюдений и выводов, ранее не встречавшихся в пушкинистике.

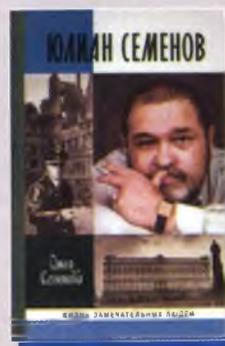
Старосельская Н. Д. Повседневная жизнь

«русского» Китая. — М.: Молодая гвардия, 2006. — 376 с.: ил. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

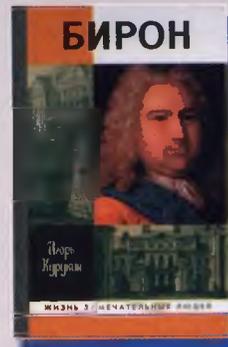
Острова Рассеяния — так принято называть места компактного проживания русских эмигрантов, покинувших Родину в конце XIX — начале XX века. Несколько таких островов более полувека существовали на территории Китая. В книге Натальи Сергеевны Старосельской рассказывается о жизни русских колонистов, по разным причинам оказавшихся в этой стране: кто-то приехал сюда задолго до революции — торговцем делом или на строительство Китайско-Восточной железной дороги; кто-то бежал от красного террора и Гражданской войны. Большая часть эмигрантов вернулась впоследствии на Родину, но мало кого из них жизнь сложилась здесь так же благополучно, как, например, у Александра Вертинского и Олега Лундстрема. Многие эмигранты попали в сталинские лагеря и там погибли. Жизнь и судьба «русского» Китая — это совершенно особая страница истории русского зарубежья. В книге использованы фотографии из частных архивов.

Семёнова О. Ю. Юлиан Семёнов. — М.: Молодая гвардия, 2006. — 277 с.: ил. (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 1012).

Эта книга о жизни и творчестве легендарного писателя, автора известных остросюжетных политических детективов «Семнадцать мгновений весны», «ТАСС уполномочен заявить», «Петровка, 38», «Огарёва, 6» и многих других. Талантливый писатель предстаёт перед нами как крупная цельная личность — принципиальный человек, заботливый отец и любящий муж. Автор — дочь писателя Ольга Семёновна удачно включила в канву повествования воспоминания друзей и коллег писателя: академика Евгения Примакова, актёра Льва Дурова, барона Эдуарда Фальц-Фейна, письма родных, отрывки из произведений писателя. Именно благодаря этим документам мы можем более полно представить личность родоначальника жанра политического детектива в нашей стране.

Курукин И. В. Бирон. — М.: Молодая гвардия, 2006. — 426 с.: ил. (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 968).

Эрнст Иоганн Бирон — знаковая фигура российской истории XVIII столетия. Имя удачливого придворного незарывно связано с царствованием императрицы Анны Иоанновны, нередко называемым «биرونщиной», — настолько необъятной казалась потомкам власть фаворита царицы. Но так ли было на самом деле? Иного или мало было в России «кнемцев» при Анне Иоанновне? Какое место занимал среди них Бирон и в чём состояла роль фаворита в системе управления самодержавной монархии?

Ответам на эти вопросы посвящена эта книга. Известный историк Игорь Курукин на основании сохранившихся документов попытался восстановить реальную биографию бедного курляндского дворянина, сумевшего сделаться важной политической фигурой, пережить опалу и ссылку и дважды стать владетельным герцогом.